

Апостол Пётр вручает палий папе Льву III и знамя Карлу I Великому
Фрагмент мозаики в «Триклинии Льва III»
(Рим, конец VIII в., переложена в XVIII в.)

А. Н. Домановский

ЧЕРЕЗ ИМПЕРИЮ – К ЕВРОПЕ? ИЛИ КАРА ВЕЛИКИЙ КАК ПРАПРАДЕД «ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА»

Славу твою и тебя, о король, вся земля воспеваает,
Но и во многих словах не перескажешь всего.
Если и Рейн и Маас, По и Тибр, и Сону и Рону
Можно измерить, то вот мера твоей похвале.
Неизмерима хвала, и неизмеримою быть ей,
Донежде мир населен будет людьми и зверьми.

...
Надо ль дивиться тому, что Пастырь предвечный такого
Пастыря в мире избрал стадо свое охранять?
Деда ты возродил прозванием, умом – Соломона,
Мошью – Давида-царя, Иосифа – дивной красой.
Ты – охранитель добра, кара злых, расточитель почета:
Вот почему и даны все эти блага тебе.

...
Пусть соберется совет, и молебен отслужат в палатах,
В коих прекраснейший свод сделан искусной рукой.
Пусть в престольный покой возвратятся все совокупно,
Толпы пусть взад и вперед в длинных палатах снуют.
Двери раскройте, но пусть из желающих те лишь вступают,
Коих какой-либо чин пред остальными вознес.

*Теодульф. Послание королю
(пер. Б. И. Ярхо)*

Многоплеменное, разноречное, поликультурное, с множеством разнообразных хозяйственных укладов и пёстрое по социальному составу государство Карла Великого простиралось от пределов Ютландии на севере до Средней Италии на юге и от Венского леса, Эльбы и Дуная на востоке до Ла-Манша, Атлантического океана и Каталонии на западе. В своем территориальном охвате оно было дерзким и внушающим уважение вызовом Восточной Римской империи – Византии, которая, к тому же, лишь начинала в это время медленно выходить из тяжелого затяжного кри-

зиса, вызванного арабскими завоеваниями, лишившими Империю ромеев ее владений в Месопотамии, Сирии, Египте и Северной Африке. Созданная удачливым завоевателем франкская держава, однако, опиралась далеко не только на военную силу. Крепким клеем, скреплявшим все здание государства, были, прежде всего, две слившиеся воедино составляющие – римское наследие и Христианская Церковь. Именно основываясь на их цементирующем растворе, пронизавшем все общество объединенных под его скипетром стран либо активно насаждавшемся самим франкским правителем там, где прежде не было ни Рима, ни христианства, Карл уверенно зиждил свою державу.

Однако было еще и третье начало – народ франков как носитель и избранный строитель нового государства. Именно франки не только выступали в представлении Карла реальными созидателями единой общехристианской страны, но также претендовали и на особый статус избранных Господом истых ревнителей истинной христианской веры. Более того, они реально выступали и действовали как богоизбранный народ, посредством которого и чьими руками сам Бог вершил праведные земные дела. Следствием такого особого мироощущения было также своеобразное отношение к римскому наследию – франки были не только преемниками и восприемниками римлян (хотя и это, безусловно, в том числе), но, в первую очередь, их соперниками, которые превзошли древних предшественников. Те, конечно же, добились и достигли многого, но не имели главного, что было у франков – истинной веры Христовой, а потому неизбежно проигрывали в этом сравнении. Новый избранный народ превзошел своих учителей, создав государство, бывшее надежным оплотом христианства и воплощавшим самим своим существованием стремление к идеальному миропорядку, который предусматривал сосредоточение в нем и исключительно в нем всего необходимого для жизни праведной на этой земле и будущего спасения для жизни вечной после смерти телесной.

Получается, таким образом, что франки как бы замещали римлян, присваивали их многообразное наследие и даже относились к ним с определенным неподдельным уважением, но все же считали предшественников заслуженно исторически проигравшими и сошедшими с арены мировой истории для того, чтобы уступить место новым истинным исполнителям Господнего замысла. Такое отношение к Риму порождало также совершенно особое восприятие христианской Церкви как института и, особенно, Папы римского как земного наместника престола апостола святого Петра. Церковь и Папа выступали как бы помощниками франков и их правителей в деле созидания идеального государства, были подспорьем королю, однако не более того. Клирики всех уровней – от служек и диа-

конов до архиепископов, митрополитов и даже самого Папы – мыслились, если допустимо такое сравнение, скорее как технический обслуживающий персонал для обслуживания сугубо культовых, ритуальных потребностей христианского народа, ведомого самим Господом, действующим через своего правителя. Церковники во главе с самим римским первосвященником не нужны были франкскому королю для того, чтобы осуществлять связь с Богом, поскольку правитель христиан сам имел эту связь непосредственную, и потому не нуждался в каких-либо посредниках. Тонко уловив эту особенность мировоззрения Карла Великого, известный медиевист Анатолий Левандовский (1920–2008 гг.) писал: «Сосредоточив максимум усилий на строительстве новой Церкви, Карл вместе с тем стремился обеспечить безусловную власть над нею. Проявляя всяческое уважение к Риму и Папе, он никогда бы не допустил, чтобы власть апостольского наместника была выше его собственной. Роль архиепископов, епископов, аббатов и священников свелась им к чисто служебным обязанностям. От них он требовал постоянных отчетов, наставлял их и смещал, если они не отвечали его требованиям. Церковную иерархию он строил таким образом, чтобы все нити сходились не к Папе, а лично к нему. Он созывал церковные соборы и диктовал их решения. Он, безусловно, считал себя крупнейшим специалистом в области веры, разбирающимся во всех ее тонкостях и, будучи ее строгим ревнителем, видел себя достойным поучать всех остальных, включая и первосвященника Рима».

Это скорее прочувствованное, нежели осознанное отношение франкского монарха к античной Римской империи и возглавляемой Папой римским западной латинской христианской церкви как нельзя лучше проявилось в контексте подспудного идеологического противостояния между наместником престола святого Петра и королем франков (впоследствии также и королем лангобардов, и патрицием Рима). Началось оно в середине VIII в., в то же самое время, когда Пипин III Короткий был коронован королевской короной и был помазан на правление вначале с одобрения и санкции римского первосвященника в 751 г., а затем и лично Папой Стефаном II в 754 г. Именно приблизительно к этому времени исследователи относят нижнюю хронологическую грань составления «*Constitutum Constantini*» – подложного дарственного акта, согласно которому Папа римский Сильвестр I (314–335 гг.) якобы получил в дар от императора Константина I Великого (306–337 гг.) за крещение и чудодейственное исцеление от проказы светскую власть над городом Римом и всеми странами Запада. Эту власть, конечно же, должны были наследовать и все будущие епископы Рима. Практическое применение этого «Константинова дара» («*Donatio Constantini*») на момент его возникновения – между 752

и 771 гг. – было не слишком велико, и казалось, что он призван лишь обосновать светскую власть Папы над собственно городом Римом и Папской областью, обеспечить суверенитет римского архиепископа над подаренной ему Пипином Коротким территорией, отторгнутой у лангобардов и Византии. Главная сиюминутная задача состояла в том, чтобы обезопасить патримониум святого Петра от притязаний единственного монарха Европы, который на тот момент имел реальную военно-политическую возможность подчинить себе Рим – а именно от короля франков. Благодаря этому складывается впечатление, что создание и утверждение «Константинова дара» было частью негласной сделки между Пипином III Коротким и Папами римскими – Захарием (741–752 гг.), Стефаном II (752–757 гг.), Павлом I (757–767 гг.), продолжившей действовать также при их преемниках – Карле Великом (768–814 гг.), с одной стороны, и Папами Стефаном III (768–772 гг.), Адрианом I (772–795 гг.) и Львом III (795–816 гг.) – с другой. Однако реальное значение «Константинова дара» простиралось гораздо дальше единовременной сделки и власти римских понтификов над одним лишь городом Римом и прилегающей к нему областью. Документ был для папского престола важным заделом на будущее, причем с первыми ласточками будущих претензий римских Пап на господство над всеми светскими государями западного христианского мира пришлось столкнуться уже Карлу Великому.

В 778 г. в вошедшем со временем в «Codex Carolinus» послании к франкскому королю Папа римский Адриан I настойчиво напоминал о «Константиновом даре» и призывал к возвышению Церкви, что, несомненно, было важным намеком на установление и укрепление реальной власти папского Рима над странами Запада: «И подобно тому, как во времена благословенного римского понтифика Сильвестра Божья Святая Католическая и Апостольская Римская Церковь была воскрешена и возвышена посредством щедрости самого благочестивого Константина – великого императора, который соблаговолил даровать ей власть в этих западных регионах. Так что в эти самые счастливые времена, к которым вы и мы живем, пусть пышно расцветает и торжествует святая Божья Церковь – Церковь Апостола Святого Петра и продолжает еще больше возвышаться».

О том, что Лев III был ревностным сторонником заложенной в «Constitutum Constantini» имперской идеи, свидетельствовала мозаика в апсиде называемого «Триклиния Льва III» – главного зала приемов Латеранского дворца. Она была создана по приказу этого весьма последовательного и настойчивого в утверждении идеи светской власти Пап первосвященника около 799 г. и закончена, по всей видимости, чуть ли не накануне императорской коронации Карла Великого. В центре мозаики

изображен Иисус Христос, однако для нас гораздо более важны сцены, размещенные с двух сторон от его лика. Хотя мозаика была переложена в XVIII в. и оригинальные, несомненно важные художественные детали изображения конца VIII в. были при этом частично утрачены, главный смысл композиции не пострадал. Слева от центрального лика изображен Христос, вручающий ключи как символ духовной власти Папе Сильвестру I и стяг как символ власти земной императору Константину I Великому. Правая часть изображения симметрична левой – на ней изображен святой Петр, дающий Папе Льву III паллий (*pallium*) – длинную узкую ленту с вышитыми на ней крестами, являющуюся частью литургического облачения Папы римского, а Карлу Великому передающий стяг. Смысл изображения, которое король франков, несомненно, видел во время его пребывания в Риме, был предельно очевиден – Папа Лев III был показан как наместник престола святого Петра и преемник Папы Сильвестра I, тогда как Карл был представлен как новый император Константин Великий. Вся мозаика в целом наглядно выражала концепцию «Константинова дара» и показывала то идеальное место, на котором Папа Лев III хотел бы видеть себя и короля франков в возрождаемой империи. Первосвященник должен был руководить возрождением империи по праву власти над Римом и странами Запада, а Карл Великий выступать послушным орудием в руках Господа, волю которого воспринимал бы вначале Папа римский, сообщая ее затем императору.

Карл Великий, впрочем, мог позволять себе не вдаваться в тонкости намеков Папы, в какой бы форме они бы ни были выражены – хоть в письменном тексте, хоть в художественном изображении. Реальная власть короля франков в земном мире опиралась на его народ, его страну и его войско, и он вполне мог поинтересоваться, сколько дивизий может выставить римский первосвященник в случае прямого конфликта между Франкским королевством и патримонием святого Петра. Папе, который не мог опереться на грубую военную силу, достаточную даже для локального конфликта с франкским королем, приходилось в связи с этим действовать тоньше, корректнее и, в итоге, дальновиднее. Того, кому невозможно было навязать власть силой, следовало подчинить идеологически. В этом направлении и развернулась папская политика по отношению к Франкскому королевству. Во встречном письме к Папе римскому Карл Великий ограничивал притязания первосвященника культовыми обязанностями и так очертил пределы своей и папской власти и обязанностей в этом мире: «Нам надлежит, выполняя волю Божию, охранять и оберегать благочестивых, праведных, добропорядочных христиан от любых нападений и набегов извне со стороны армий язычников и неверных, сеющих смерть и разрешения,

а также укреплять и оберегать изнутри общую веру, добросовестность и благочестие». В свою очередь Папа должен был, по мнению франкского правителя, «просить Господа нашего и Моисея даровать нам успех в военных делах, славные победы над врагами и богатую добычу, славить Господа нашего Иисуса Христа и благодарить его, что не оставляет он и оберегает словом и делом христианский народ наш и сирот».

Карл Великий строил собственное государство на несколько иных основаниях, нежели того желали бы римские Папы. Ему не нужен был посредник между ним и Господом в лице Папы. Король франков, лангобардов и патриций Рима видел духовную власть не господствующей над светской, а лишь сопутствующей ей, обслуживающей сугубо культовые и даже чисто ритуальные стороны жизни страны. Более того, Папа римский не должен был даже выступать посредником между монархом и Богом, связь которых представлялась прямой и неопосредованной никем более. Римский первосвященник в представлении Карла должен был выступать лишь спутником и отчасти помощником монарха в построении идеального справедливого земного царства, последнего в мировой истории перед вторым пришествием Иисуса Христа. Если же верховный понтифик Рима начинал претендовать на что-либо большее – посредническую роль между Господом и правителем, освящение власти монарха данной ему Христом духовной властью над Церковью и уж тем более – на прямую реализацию светской власти, якобы подаренной императором Константином Великим – то это вызывало категоричное неприятие и резкое противодействие со стороны Карла. Если максимально, предельно заострить и огрубить ситуацию, то в представлении правителя франков в случае крайней необходимости он вполне мог обойтись и без Папы как наместника святого Петра вообще, достаточно было бы рядовых служителей культа для отправления богослужения. Собственно говоря, приведенное объяснение, безусловно, в максимально упрощенном, предельно наглядном виде будет определять действия ряда других, более поздних монархов Средневековья и Раннего нового времени, который будут строить уже национальные государства Европы. Пока же в отношениях с Папой римским Карл Великий неосознанно, интуитивно шел к той модели, которая существовала в отношениях императора Византийской империи и Константинопольского патриарха.

Это, конечно же, не был цезаропапизм в чистом виде, тем более что он не был не то что соответствующим образом оформлен, но даже к его осознанию Карл Великий, судя по всему, лишь приближался. То, что представляется нам простым и понятным в стройно начерченной, адаптированной для легкого восприятия и, можно даже сказать, примитивной схеме, было в представлении деятелей того времени комплексом сложных, взаи-

мопротиворечащих и трудноуловимых понятий, погруженных, к тому же, во множество глобальных долговременных и локальных сиюминутных контекстов, которые трудно уловить уже нам с вами. Мы видим происходившее с более чем тысячелетней перспективы, зная всю последующую историю как правления Карла Великого, так и его преемников и следующих средневековых монархов, тогда как реально жившие в плотной ткани своего времени исторические деятели той далекой эпохи знали только доступные им для понимания прошлое и настоящее, и лишь предполагали будущее. Причем предполагали его совершенно не так и не таким, каким оно стало на самом деле. К примеру, согласно общему распространенному представлению, скорым ожидалось второе пришествие Христа, а значит земной мир должен быть максимально упорядочен и подготовлен отнюдь не для дальнейшей длительной истории, а к этому ключевому для христиан событию. Если сказать уж совсем просто, мир готовился не к вечно несовершенной в своей реальности жизни на грешной земле, но к праведной идеальной жизни вечной в Царствии Небесном Иисуса Христа после Страшного Суда.

Не случайно любимым чтением Карла, если верить свидетельству Эйнгарда, был трактат блаженного Аврелия Августина (354–430 гг.) «О Граде Божьем»: «Его (*Карла – А. Д.*) занимали подвиги древних, а также сочинения святого Августина, в особенности то, которое называлось «О Граде Божьем»». На рубеже VIII–IX вв. в своей повседневной деятельности Карл, несомненно, руководствовался идеями, заложенными в знаменитом творении Августина. Король и император видел своей сверхзадачей построение идеального «Града Божия» на земле вполне в соответствии со взглядами великого богослова. Земной правитель должен был в его представлении ревностно исполнять волю Господа, быть послушным орудием в Его руках, причем руки Христа, конечно же, никак не могли быть руками Папы, которому отводилась лишь роль покорного и даже несколько отстраненного служителя-отправителя ритуалов и хранителя чистоты веры. В своих официальных документах Карл Великий непрестанно подчеркивал, что он был «венчан Господом», получил власть «по Божьему милосердию», то есть отнюдь не от Папы римского. В этом же духе высказывался в направленных прежде всего слуху франкского правителя текстах знаменитый ученый его «Придворной Академии», англосакс по происхождению Алкуин (ок. 735–804 гг.): «По воле Всевышнего Карл царствует и управляет градом вечного мира, построенным драгоценной кровью Христовой... Божественная власть вооружила Карла двумя мечами как удивительным и особым даром Божьим, ибо он с пламенным рвением старается защитить церкви Христовы от опустошений язычников и очистить от учений

неверных». Несомненно, привлекала Карла и высказанная Аврелием Августинем идея о том, что все подданные должны беспрекословно подчиняться своему законному правителю, поступая в строгом соответствии с принципом, высказанным Иисусом Христом: «отдайте кесарю кесарево, а Богу – Божье» (От Матфея 22:21). Никакой особой папской власти при этом не предусматривалось, правитель и Господь были единственными действующими силами, организовывавшими идеальный праведный порядок «града земного».

Под описанным углом зрения стоит пристальнее взглянуть и в представленном контексте следует глубже оценить во многом ключевое событие всего правления Карла Великого, а именно коронацию франкского короля императорской короной в Риме на Рождество 800 г. Она произошла во время четвертого и последнего посещения Карлом Вечного города, которое было наиболее длительным по сравнению с предыдущими и затянулось с 24 ноября 800 г. до 25 апреля 801 г. Вот как описывает произошедшее биограф Карла Эйнгард: «...не одно лишь благочестие заставило его (*Карла Великого – А. Д.*) предпринять свой последний поход в Вечный город. Дело в том, что римляне нанесли тяжкие оскорбления первосвященнику Льву, лишили его зрения и вырвали язык. Вот почему, прибыв в Рим для восстановления попорченного порядка, король провел там целую зиму. Тогда-то он и принял (*accepit*) титулы (*наименования или звания – «nomen» – А. Д.*) императора и августа [25 декабря 800 г.]. Этим на первых порах Карл был столь недоволен, что утверждал даже, что знай он заранее о намерениях (*замысле – «consilium» – А. Д.*) Папы, он бы в тот день не пошел бы в церковь, невзирая на торжественность праздника (*Quod tempore imperatoris et augusti nomen accepit. Quod primo in tantum aversatus est, ut adfirmaret se eo die, quamvis praecipua festivitas esset, ecclesiam non intraturum, si pontificis consilium praescire potuisset*)».

Что же расстроило новокоронованного императора, что именно вызвало его недовольство? Сложно поверить, что коронация была для него полной неожиданностью, как можно предположить из краткого сообщения Эйнгарда. Столь значимый шаг Папа не мог бы совершить лишь по своей инициативе, не согласовав его предварительно с франкским королем. И действительно, как общий контекст, так и прямые свидетельства источников убедительно доказывают, что Карл Великий знал о предстоящей коронации и дал на нее свое согласие, готовился к ней и прибыл в Рим прежде всего с этой целью. Для того, чтобы наглядно продемонстрировать это, следует вернуться к событиям предшествующего года и их более широкому контексту. Претендовавший на власть над всеми христианскими странами Запада Папа римский не был способен реально властвовать даже в соб-

ственном городе Риме. Обычным делом было давление на Папу со стороны представителей местной римской знати, частые конфликты и свары, в которых первосвященник мог добиться реального перевеса в силе лишь благодаря помощи со стороны франкских монархов. В ином случае силу могли применить и против него самого, как и произошло 25 апреля 799 г., когда бывший и до того открытым конфликт наместника престола святого Петра с римской аристократией вылился в прямое вооруженное столкновение. На Папу Льва III напали на улицах Рима, он был избит и искалечен, ему то ли выкололи, то ли существенно повредили глаза и отрезали язык, после чего униженный первосвященник был брошен в заточение в монастырь св. Стефана и Сильвестра. Сумев бежать оттуда, Папа нашел поддержку и укрытие благодаря поддержке со стороны двух королевских посланцев Карла Великого, находившихся неподалеку в инспекционной поездке. Не желая долее оставаться во все более враждебной ему Италии, римский первосвященник поспешил под надежное покровительство Карла, прибыв к его двору в конце лета или начале осени 799 г.

Двор Карла Великого пребывал на тот момент в Падерборне, где 14 лет тому назад королю франков удалось вырвать у саксонской знати повторное изъявление покорности и новую присягу верности. Это было место торжества франкского правителя, огнем и мечом насаждавшего среди саксов истинную веру Христову, и принимать здесь Папу было особенно символично. Вслед за Папой к Карлу последовали многочисленные письма врагов Льва III, в которых римского епископа обвиняли в различных прегрешениях и многочисленных преступлениях – лжесвидетельстве, симонии (продаже церковных должностей) и неподобающем сексуальном поведении. Очевидно, что во время пребывания Папы в Падерборне король франков не удерживался от общения с первосвященником и, скорее всего, именно здесь осенью-зимой 799–800 гг. окончательно вызрела и была согласована идея императорской коронации Карла. Об этом свидетельствует не только общий контекст событий, но также письменные обращения к королю франков от его ближайшего сподвижника англосакса Алкуина, составленные в 799 и 800 гг. В частности, Алкуин утверждал, что великая власть короля франков поставлена ныне богом выше не только сана Папы римского, но также и выше власти константинопольского императора греков, поскольку в Византии она пала столь низко, что ее захватила некая местная женщина (имелась в виду императрица Ирина (780–790/797–802 гг.)). Все это делало возможным обращение Алкуина к Карлу Великому как к некоронованному императору и утверждением, что его нынешнее положение сделало правителя франков «единственным вождем христианского народа, превосходящим два названных сана (*Папы римского и ви-*

зантийского императора – А. Д.) своей мощью, более известным своей мудростью, более высоко стоящим по значению своего королевства. Вот почему, – обращается к Карлу Великому, которого он именует Давидом, Алкуин, – на тебя полностью ложиться задача спасения христианских церквей, на тебя, мстителя для преступников, пастыря для заблудших, утешителя для страждущих, вдохновителя для добрых...». Прозвучало в посланиях Алкуина к Карлу и слово «империя», и показательно, что в сочетании с прилагательным «христианская», а не «римская»: «чтобы через ваше процветание охранялась христианская империя, защищалась католическая вера, всем стал ведом закон правосудия».

Пребывая в Падерборне, Лев III чудесным образом «исцелился» от нанесенных ему увечий (что заставляет предполагать их не слишком существенный характер) и был вполне в состоянии вести переговоры. Об общении Папы римского и франкского короля во время пребывания в Падерборне рассказано в так называемом «Падерборнском эпосе» – панегирическом стихотворном сочинении «Карл Великий и Папа Лев» («*Karolus Magnus et Leo papa*»), созданном около 799 г. или сразу после этого. В этом памятнике, в равной мере прославляющем Папу и короля, они оба представлены как равнозначные главы всего христианского мира. В сочинении недвусмысленно говорится о создании империи, хотя автор и не употребляет еще титула «император» по отношению к Карлу, однако заменяет его синонимичным и равным по значению титулом «август» («*augustus*»). Зато во всем остальном текст предельно откровенен, заявляя о творении второго, «грядущего Рима», под которым имелся в виду Аахен, что было прямым вызовом по отношению к столице византийских императоров на Босфоре, ведь ранее на звание «второго Рима» отваживался претендовать лишь Константинополь. Одновременно эпос был скрыто направлен и против Папы, поскольку заявлял о собственной «аахенской» или «франкской» имперской идее – как Рим должен был уступить место Аахену, так и римляне во главе с Папой должны были уступить место франкам во главе с королем (а после императорской коронации – императором) франков. При этом коронация, была, по всей видимости, согласована лишь в самых общих чертах, и каждая из высоких договаривавшихся сторон по-своему видела ее детали и собиралась использовать и истолковать их в благоприятном для себе свете и выгодным образом. Карл, скорее всего, проявил в тот момент некоторую недальновидность, полностью чувствуя себя хозяином положения, ведь Папа прибег к его помощи и находился в полной от него зависимости. Однако имея возможность физически контролировать Льва III, франкский король был неспособен проникнуть в его мысли и замысли. А они, как показали дальнейшие события, были весьма

хитроумными и далекоидущими. Главное свое достижение Папа намеревался воплотить в отдельных деталях будущей церемонии коронации и помазания Карла Великого на царство, и оказался в своих расчетах тоньше и дальновиднее простодушного правителя франков.

В деталях, как известно, скрывается дьявол, и он притаился там и на этот раз. Внешняя канва событий развивалась далее следующим образом. Уверенный в своих переговорных позициях Карл отослал Папу Льва III назад в Рим в сопровождении многочисленного и пышного эскорта из духовных лиц, и, главное, с немалым отрядом прикрытия, воинов которого было более чем достаточно для того, чтобы обеспечить безопасность первосвященника от каких-либо посягательств на его здоровье и жизнь со стороны своевольной знати Вечного города. В Риме понтифик должен был смиренно дожидаться, когда Карл соизволит лично явиться и вынести справедливое решение по сложившейся в городе конфликтной ситуации. Франкский монарх при этом не особо спешил с вояжем и «прибыл в Рим для восстановления порядка дел в Церкви, который пребывал в большом расстройстве (*Idcirco Romam veniens propter reparandum qui nimis conturbatur erat, ecclesiae statum*)» лишь в ноябре 800 г. Здесь его встречали совершенно особым, выдающимся образом. Звание римского патриция давало Карлу право на торжественную встречу схолами – гвардейскими подразделениями гарнизона Рима – за милю от черты города. Однако в знак особого почта ему навстречу выехал сам Папа с пышной свитой клириков, военных и представителей знати, и встретил короля не в миле, а в двенадцати (!) милях от города в городке Ментана. Это были императорские почести и так могли встречать лишь императора, а никак не патриция. Уже одно лишь этом было не просто важным знаком уважения, но может рассматриваться как начало приготовлений к будущей церемонии императорской коронации, а значит, опровергает точку зрения о том, что Карл не был в курсе готовившейся акции. Король франков явно знал, для чего прибыл в этот раз в Рим, решающим свидетельством в пользу чего является сообщение «Лоршских анналов» (*«Annales Laureshamenses»*) о том, что 23 декабря 800 г. римский синод, рассматривавший обвинения, выдвинутые против Папы римского Льва III, обратился к Карлу Великому с просьбой принять титул императора. Это было необходимо в связи с тем, что согласно каноническому праву председательствовать на суде над первосвященником мог лишь император. Как сказано в «Лоршских анналах», «король Карл не пожелал отказать в такой просьбе, но со всем смиренномудрием Богу, и священнослужителям, и всему христианскому народу и на Рождество Господа нашего Иисуса Христа принял титул императора вместе с помазанием (рукоположением, посвящением?) от господина Папы Льва» (*«Quorum petitionem ipse*

rex Karolus denegare nolit, sed cum omni humilitate subiectus Deo et petitioni sacerdotum et universi christiani populi in ipsa nativitate Domini nostri ipsum nomen imperatoris cum consecratione domini Leonis papae susceperit»). Таким образом, у нас есть убедительное свидетельство того, что Карл Великий знал о предстоящей церемонии за два дня до ее проведения.

Кроме того, в тот же день, когда состоялось собрание синода, Карл провел встречу со своими послами, прибывшими из Иерусалима. Послы эти были отправлены на Восток зимой 799–800 гг., что позволяет связать миссию в том числе и с весьма вероятными и близкими по времени переговорами Папы Льва III и Карла Великого по поводу возможной императорской коронации. Из Иерусалима они привезли разного рода ценные христианские реликвии, а также благословение Иерусалимского патриарха и ключи от Святого города всех христиан. Это был крайне важный символический акт, по своей силе ничуть не меньший, нежели владение ключами от Вечного города – Рима и от усыпальницы св. Петра. И направлен этот акт явно был в пику Папе, которому король франков ясно давал понять, что римский иерарх не единственный, кто может иметь ключи от Царствия Небесного и выступать верховным первосвященником, и что есть в мире города не менее святые, нежели Рим, и епископы не менее высокие, чем Папа. Скорее всего, именно это было одной из важнейших, если не самой главной целью франкских посланцев в Аббасидский халифат, на территории которого находился в то время Иерусалим. По своему значению в христианском мире этот город ничем не уступал, а то и превосходил и Рим, и Константинополь, равно как патриарх Иерусалима ничуть не уступал в благодати Папе римскому или Константинопольскому патриарху. Следовательно, Карлу удавалось достигнуть двойной цели одним шагом: получив благословение Иерусалимского патриарха он подчеркивал как свою независимость от папского Рима, так и свою равную значимость по отношению к императору Византийской империи, тем более что в самой Византии как раз в тот момент законного императора не было и престол занимала императрица василиса Ирина. К последнему моменту еще следует будет вернуться, пока же ограничимся констатацией того, что Карл Великий явно готовился к предстоящей церемонии императорской коронации и желал для этого заручиться благословением Иерусалимского патриарха.

Именно таким образом были расставлены накануне 25 декабря 800 г. символические фигуры условной шахматной партии, в которую активно играли два игрока – Папа римский Лев III и король франков, король лангобардов и римский патриций Карл Великий. В нее же *volens nolens* были втянуты и еще не подозревавшие об этом на тот момент византийцы.

В этой игре было множество действовавших по чужой указке марионеток и еще больше пассивных наблюдателей. Далее же произошла коронация, которая, как нам уже известно, оставила Карла недовольным произошедшим. Что же такое случилось на церемонии, что могло вызвать недовольство короля франков? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть более подробные свидетельства о коронации, чем краткое проходное упоминание о ней и недовольстве ею со стороны Карла Великого в сочинении Эйнгарда. Так, «Анналы королевства франков» сообщают: «Когда же он (*Карл Великий* – А. Д.) в святейший день Рождества Господня вошёл в базилику блаженного апостола Петра для служения праздничной мессы и стоял перед алтарём, где склонился для молитвы, папа Лев возложил на его голову корону при возглашении всего народа римлян: «Карлу августу, Богом коронованному великому и примиряющему императору римлян, жизнь и победа!». После этих восхвалений он был почтён тем самым понтификом по обычаю древних государей, а потом, отбросив имя патриция, был провозглашён императором и августом». О собственноручном возложении Папой короны на голову Карла сообщает также «Книга пап» («*Liber pontificalis*»): «Настал день Рождества Господа Нашего Иисуса Христа, и все вновь собрались в вышеозначенном соборе блаженного апостола Петра. И тогда почтенный и августейший понтифик своими собственными руками возложил ему (*Карлу Великому* – А. Д.) на голову драгоценную корону. И тогда все собравшиеся там благочестивые римляне, видя, сколь ревностно он всегда защищал и любил святую римскую церковь и викария ее, единодушно, повинувшись воле Господа и блаженного св. Петра, хранящего ключи Царства Небесного, воскликнули: «Да живет и побеждает Карл благочестивый, август, венчанный Богом, великий и миротворящий император! И так, перед алтарем блаженного апостола Петра, они воскликнули трижды, призывая в свидетели многих святых. И так всеми собравшимися Карл был провозглашен римским императором»». Это же подтверждают также жизнеописание Льва III, «Малые Лоршские анналы», «Ксантенские анналы», «Краткая история франков» Петра Библиотекаря и ряд других источников.

«Лоршские анналы», помимо этого, сообщают также о том, что Карл принял императорский титул «вместе с» или даже «через», «посредством» «посвящения-рукоположения» (именно так можно понимать существительное «consecratio», в тексте – в abl. sing. «consecratione»). Видимо, под этим «посвящением» имеется в виду помазание миром на царство. По крайней мере, византийский хронист Феофан («*Theophanis Chronographia*») с явным сарказмом описывает церемонию коронации Карла следующим образом: «В том же году и в Риме родственники папы Адриана, возмущивши

войско, восстали против папы Леона, и схвативши, ослепили его: но они не могли отнять у него совершенно свет очей, потому что ослеплявшие были человеколюбивы и пощадили его. Он прибегнул к франкскому королю Карлу, который горько отместил врагам его и снова посадил его на своем престоле, и с того времени Рим находился под властью франков. Папа из благодарности к Карлу венчал его в римские цари в храме святого апостола Петра, помазал его елеем от головы до ног (*hrisas elaio apo kefales eos podon kai peribalon basiliken estheta kai stefos*) декабря 25, индиктиона 9».

Из приведенных свидетельств можно понять, что Папа Лев III возложил венец на голову Карлу Великому неожиданного для самого франкского правителя, в тот момент, когда король, по свидетельству «Анналов королевства франков», «стоял перед алтарём, где склонился для молитвы», после чего был также собственноручно первосвященником помазан елеем на царствование. Судя по всему, франкский монарх представлял себе церемонию коронации и возведения себя в сан или же присвоения себе титула императора и августа несколько иначе. Скорее всего, он планировал сам, собственноручно возложить императорский венец себе на голову, после чего Папе было бы позволено совершить иные, второстепенные по отношению к данному главнейшему действию, обряды и ритуалы. Однако неожиданный поступок Льва III напрочь сломал всю эту стройную схему, вызвав недовольство Карла. «Анналы королевства франков» сообщают также, что собравшийся в храме «весь римский народ» единогласно произнес в этот момент пышную аккламацию – восклицание-славословие: «Карлу, августу, Богом венчанному великому миротворцу и Римскому императору, жизнь и победа!» («...et a cuncto Romanorum populo adclamatum est: Carolo augusto, a Deo coronato magno et pacifico imperatori Romanorum, vita et victoria!»), после чего Карл, «отложив титул патриция», ранее свидетельствовавший об особом покровительстве, заступничестве короля франков и лангобардов по отношению к Риму, «стал именоваться императором и августом» («ablato patricii nomine imperator at augustus ast appellatus»). И в этой второй части свидетельства также можно видеть некоторые, безусловно, второстепенные, но все же весомые дополнительные причины для недовольства Карла Великого. Они состояли в том, что он провозглашался именно «императором римлян» и славословил ему в этот момент именно «весь римский народ» («a cuncto Romanorum populo»). В глазах Карла это, судя по всему, было умалением реального значения избранности народа франков, королем которых он был, и потому он воспринял римские славословия как определенное посягательство римлян на особый статус его франкского народа, а значит, и его самого. По меткому замечанию известного французского историка-медиевиста, археолога и философа

фа Рене Мюссо-Гулара (1932–2011 гг.), новая империя не могла и не желала «слиться с романским миром. Место прежних властителей Запада занял народ франков. У него была собственная божественная миссия. Император был христианином и франком, и о последнем он забывать не собирался».

Итак, Карл желал быть императором, но не хотел быть только императором римским, поскольку Рим античный в его представлении был значимым, но отжившим свое предшественником, который уже был превзойден государством фраков благодаря принятому им христианству. Рим же папский также имел определенный вес, но не имел прав претендовать на особый статус и, тем более, какую-либо светскую власть. Карл был согласен стать императором, но не давал своего согласия на то, чтобы его короновал Папа. Король франков не возражал против того, чтобы его власть признали в том числе и римляне в Риме и в Италии, но не они должны были в первую очередь славословить его коронацию, это право принадлежало франкам.

Если объединить и подытожить все ранее сказанное, получим следующую безусловно упрощенную и осознаваемую Карлом лишь постепенно в течение многих лет его правления как до, так и после императорской коронации в Риме формулу: франкский король желал, чтобы ему сообщил императорское достоинства сам Господь, при этом короноваться он должен был собственноручно под славословия франков, и уже вслед за ними славящие аккламации должны были подхватить все покоренные им народы во всех концах земли. Если Папа хотел править миром через коронованного им императора, то Карл желал быть орудием исключительно в руках Божиих, а не в руках Папы.

То, какой Карл хотел бы видеть собственную императорскую коронацию, можно понять по коронации императорской короной его сына Людовика, короля Аквитанского, получившего прозвание Благодетельный. 11 сентября 813 г. в Аахене Карл Великий самолично провел церемонию коронации без какого-либо участия Папы римского, после чего прозвучали славословия в честь коронованного правителя от собравшегося франкского народа. Обращает на себя внимание важная деталь: после отеческих наставлений императора Карла Великого и увещаний править справедливо согласно заповедям и воле Божьей Людовик лично, собственными руками, короновал сам себя. По крайней мере, в «Жизнеописании императора Людовика» авторства Тегана (790-е – после 848 гг.) сказано: «Тогда отец (*Карл Великий после напутствий – А. Д.*) повелел ему (*Людовику – А. Д.*), чтобы он собственными руками взял корону, которая стояла на алтаре, и возложил на свою голову, вспоминая все данные ему отцом повеления. Он же исполнил отцовское приказание. После этого они выслушали торжественную мессу и отправились во дворец».

О том, что изложенная концепция не только имеет право на существование, но, судя по всему, приблизительно таким образом и представлялась Карлу Великому, хорошо свидетельствуют также формулировки титулатуры монарха, представленные в документах, изданных его канцелярией в ближайшее время после императорской коронации. Так, в марте 801 г. была издана грамота, в которой Карл титулован как «король франкский, римский и лангобардский» (*rex Francorum et Romanorum atque Langobardorum*)), что свидетельствует не только о том, что титул франкского короля был для Карла значимее титула римского императора, но также о том, что королевская власть в его представлении нисколько не была ниже императорской. Более того, из приведенной титулатуры, где статус римского императора низведен до статуса римского короля, можно видеть, что «римский» компонент в понимании Карла не мог претендовать на некую всеобщность, символически охватывая всю территорию его владений и характеризуя верховную власть над живущими там народами. Наоборот, он был подчеркнуто локальным, относился лишь к Италии, и даже менее того – лишь собственно к городу Риму и Римской области, ведь титул короля лангобардского предполагал власть над той частью Апеннинского полуострова, которую занимало Лангобардское королевство. Получается, Карл мог быть недоволен во время коронации тем, что церемония, которая задумывалась им как провозглашение верховной власти франкского императора над всеми подвластными ему христианскими народами Запада, в итоге превратилась в его понимании лишь в коронацию правителем-императором всего лишь одного, пусть даже и великого Вечного города Рима? Выходит, что так. Видимо, такое объяснение также может претендовать на существование, тем более, что в мурбахском формуляре власть над Римом упомянута в общем ряду равных по значению титулов правителя и даже расположена по хронологическому принципу в самом конце: *«Viro gloriosissimo illo gratia Dei regi Francorum et Langobardorum Romanorunque»* («Мужу славнейшему, божьей благодатью королю франкскому, лангобардскому и римскому»).

Более того, той же весной 801 г. Карлом был издан капитулярный, сохранивший замечательную формулировку, демонстрирующую реальное отношение франкского монарха к принятому им в Риме на Рождество 800 г. титулу: *«Romanum regens imperium serenissimus augustus»* («Управляющий Римской империей, сиятельный август»). Римская империя в такой формулировке явно мыслилась не как нечто всеобъемлющее по отношению ко всем остальным титулам короля франков, но была в его представлении чем-то соподчиненным, неким владением, включенным в его «управление» на определенных особых, но ничуть не более высоких правах, чем,

например, королевство франков или королевство лангобардов. Примечательно, что в том же капитулярии первый год после императорской коронации назван «первым годом нашего консулата», причем, как и в мурбахском формуляре, римская составляющая расположена на последнем месте: «Anno ... regni in Francia XXXIII, in Italia XXVII, consulatatus autem nostri primo» («Год ... правления во Франкии 33-й, в Италии 27-й, консулата нашего первый»). Такая формулировка, позволяющая избежать титулования себя «римским императором», закрепится в документах Карла Великого вплоть до 813 г. Она была связана, по всей видимости, со стремлением избежать символической зависимости как от Рима античного, так и Рима папского. Оба они, каждый по своему, оказались неприемлемыми для Карла Великого, слишком тесными для его иного по самой своей природе христианского универсализма. Мир в его понимании словно бы перевернулся, франки заняли место и превзошли древних римлян, став носителями истинной христианской религии, и потому королю франков казались слишком малы собственно древнеримские одежды. Папская же концепция Римской империи, предполагавшая господство римского первосвященника над светскими правителями стран Запад дополнительно отталкивала Карла от титулования себя римским императором, поскольку он небезосновательно опасался, что это будет ставить его (согласно концепции «Константинова дара») в зависимую от наместника престола святого Петра позицию, что было, конечно же, абсолютно неприемлемо. Источник легитимации власти был для Карла не римским, но христианским и (отчасти) франкским, и в этом особый универсализм его империи, как представляется, отнюдь не был недоразумением и идеологической фикцией, как полагают некоторые исследователи, в частности известный медиевист, историк-германист и глубокий специалист по раннему средневековью Александр Назаренко, статья которого во многом послужила одной из главнейших основ излагаемых здесь взглядов. Если бы у Карла и интеллектуалов его Придворной Академии было больше времени и возможностей, они, несомненно, нашли бы те формулировки, которые позволили бы обосновать связь между *regnum* и *imperiū* – Франкским королевством и Империей. Империей христианской, но не папской. Порожденной от римской основы, но не оставшейся Римской, но ставшей Франкской и даже (по крайней мере в идеальной перспективе) – сверх-Франкской, общехристианской, «Градом Божиим» на земле.

В этом контексте обращает на себя внимание то обоснование, которое приведено в «Лоршских анналах» отчасти в оправдание возможности, отчасти – в объяснение необходимости принятия Карлом Великим императорского титула в 800 г.: «Так как в стране греков прекратилась династия импе-

раторов и власть над ними была в руках женщины, апостолическому Льву и всем святым отцам, присутствовавшим на том соборе, а также и остальным христианам стало ясно, что Карл, король франков, который владеет самим Римом, где всегда пребывали императоры, а также обладает и другими владениями в Италии, Галлии и Германии, должен именоваться императором; так как всемогущий Бог отдал под власть его все эти владения, представлялось справедливым, чтобы он с помощью божьей и по просьбе всего народа христианского принял бы и самый титул». «Лоршские анналы», таким образом, обосновывают акт коронации Карла Великого тем, что в Византийской империи на тот момент правила женщина – императрица Ирина, а значит государство осталось как бы без законного правителя мужского пола, без императора. Это обстоятельство словно бы позволяло появиться императору на Западе христианского мира, поскольку законный император мог быть лишь один. Однако это был скорее предлог, нежели причина. Причина принятия императорского титула была изложена вслед за изложением предлога – Карл должен стать императором, поскольку «владеет самим Римом, где всегда пребывали императоры, а также обладает и другими владениями в Италии, Галлии и Германии». При этом все перечисленные владения отдал ему в управление никто иной, как сам всемогущий Господь. Если следовать букве изложенного в «Лоршских анналах», то логика принятия императорского титула следующая: Карл божьей волей получил в свое владение практически весь христианский Запад Европы, в том числе и Рим. Поскольку ранее этими территориями владели римские императоры, а также благодаря владычеству над Вечным городом франкский король получал право именоваться римским императором. Имперский статус оказывается, таким образом, вторичным, производным от могущественной власти Карла, позволившей ему подчинить себе значительную часть территорий бывшей Западной Римской империи и даже выйти за ее пределы, покорив Саксонию. Однако и это могущество не возникло само по себе, за ним стоит воля Господа. Следовательно, Карл Великий должен стать императором по воле божьей и «по просьбе всего народа христианского». Собственно, именно божественное происхождение императорской власти был призван подчеркнуть полный титул Карла Великого, который с весны 801 г. звучал следующим образом: «Светлейший Август, коронованный Богом великий император и миротворец, правящий Римской империей, и по милости Божией король франков и лангобардов» («*Serenissimus Augustus a Deo coronatus magnus et pacificus imperator Romanum gubernans imperium qui et per misericordiam Dei reb Francorum et Langobardorum*»).

В этом контексте нельзя не согласиться с мнением Анатолия Левандовского, одного из лучших знатоков эпохи Карла Великого: «Принятие

императорского титула закрепляло положение Карла как уполномоченного Бога на земле. Отныне все должны были уяснить, что его стремление установить строгий порядок, при котором каждый бы занял подобающее ему место и, соблюдая мир, на условиях справедливости и милосердия вносил свой вклад в строительство «Града Божия», действительно ниспослано свыше». О том, что современники Карла именно так воспринимали его стремления и деятельность, свидетельствует современник франкского императора Нитхард (790-е–844/845 гг.), написавший исторический труд под названием «История в четырех книгах». Этот историк характеризовал Карла Великого и оставленное им имперское наследие с особым вниманием к принуждению подданных «умеренным страхом» к общему согласию и благу: «Когда Карл, славной памяти император, заслуженно названный всеми народами Великим, скончался в преклонном возрасте [около трех часов дня], всю Европу он оставил после себя наполненную всяческими благами (*omnem Europam omni bonitate repletam reliquit*); без сомнения, он был мужем, который мудростью и добродетелью во всех отношениях настолько превосходил людей своего времени, что предстал перед всеми жителями земли достойным страха, любви и одновременно восхищения, и также правил он во всех отношениях достойно и бескорыстно, как было ясно каждому. Но больше всего мое восхищение вызывает то, что он укротил умеренным страхом (*solus moderato terrore*) дикие и железные сердца (*ferocia ac ferrea corda*) франков и варваров, обуздать которые не сумело римское могущество, да так, что не осмеливались ничего открыто принимать в империи, если это не совпадало с общим благом».

Что обращает на себя внимание в словах Нитхарда? Прежде всего, отождествление Империи Карла Великого и Европы. Обширное государство франков и является в представлении младшего современника великого франкского императора Европой как таковой. Вторым моментом является сугубо позитивная характеристика правления Карла, который оставляет после своей смерти империю, а значит и Европу процветающей и преисполненной разнообразными благами, достигнутыми, естественно, благодаря его мудрому правлению. В-третьих, показательно противопоставление франков и варваров, или, скорее, исключение первых из числа вторых. Франки уже не воспринимают себя как варвары, они возвысились благодаря культуре, насажденной в империи Карла, и хотя их сердца все еще суровы и грубы, однако они уже приобщились к цивилизации, являются ее частью, и, судя по всему, несут ее в варварское окружение. Наконец, весьма показательным представляется упоминание о том, что Карлу удалось превзойти древнеримское могущество и достичь того, что некогда не удалось даже великим римлянам – усмирить «умеренным страхом»

всех противников империи, а значит и «общего блага». Все перечисленное, несомненно, выстраивается в последовательную и весьма логичную картину мира, в которой государство Карла Великого является империей единой Европы, наследующей Древнему Риму, но превзошедшей Рим в своей исключительности и избранности, поскольку ей удалось усмирить и цивилизовать, окультурить даже тех, кто оказался непокорным римскому владычеству и остался невосприимчивым к античному влиянию. И помог в этом Карлу некий исходивший от него «умеренный страх» («*moderato terrore*»), позволивший «укротить» («*repressit*») их суровые сердца и нравы. Под этим «управляемым насилием», «репрессирующим» своеволие и анархию, по всей видимости, имеется в виду установленный императором франков упорядоченный государственный строй, порядок которого держался на разумных законах и применении насилия против тех, кто осмеливался их нарушать. По отношению к нему вполне допустимо устойчивое высказывание «строгий, но справедливый», или даже скорее «справедливый, но строгий».

Не на этом ли стоит неизменная в своей еще римской основе идея единой Европы, в равной мере справедливой ко всем своим гражданам, но строго карающей за нарушение общих для всех законов, призванных служить всеобщему благу? «Нельзя отрицать, – точно подметил Рене Мюссо-Гулар, – что в обновленной им империи Карл Великий сделал попытку возродить понятие общественного блага. Он сам оберегал его, но каждый на своем месте был обязан помогать ему в этом. Единодушие всех в деле поддержания мира означает также ответственность за сохранение мира каждым в отдельности». И в этом, как представляется, можно увидеть отдаленный прообраз европейского гражданского общества, которое, несомненно, насаждалось императором Карлом в его понимании и с его возможностями, обусловленными общим контекстом эпохи.

О том, что Карл стремился сурово насаждать идеалы «Града Божьего» на земле, свидетельствует вся его многосторонняя государственная деятельность. Благодаря широкой программе этого священного правительства и сам монарх, и каждый, даже самый последний его подданный чувствовали атмосферу собственной сопричастности великому единому делу. Можно привести удачное высказывание замечательного медиевиста Натальи Басовской (1941–2019 гг.) о том, как имперская идея наполняет смыслом жизнь каждого ее носителя, сколь ни малозначимым он бы ни был: «Сам по себе факт создания государства, а тем более империи, чрезвычайно важен. Империя бросает отблеск величия на каждого человека. Человек словно приобщается к чему-то значительному, чувствует себя важнее и счастливее, если даже он несчастный, голодный, ободранный налогами,

как у того же Карла Великого в его государстве. ... И все-таки отблеск величия падает и на человека». С этими словами нельзя не согласиться, с тем лишь существенным уточнением, что Карл Великий строил не просто империю как мощное государство. Он и его интеллектуалы возрождали идею великого христианского царства Господа, и именно в этом, а не в простом восстановлении Римской империи, состояла его главная цель и заслуга.

«Пусть все живут по справедливости, ибо так заповедовал Господь», – гласил один из капитуляриев Карла. Широкая программа построения «Града Божьего» на земле была начертана Карлом Великим в знаменитом капитулярии 802 г.: «Пусть все живут по справедливости, следуя закону Божьему... пусть священнослужители строго блюдут каноны веры, не ища несправедливого обогащения; пусть монахи выполняют правила общежития под внимательным взглядом наставников; пусть миряне и священники пользуются по справедливости и без вероломства законами, пусть все строят отношения между собой на основе милосердия и полного мира... Пусть каждый в меру своего разума и своих сил стремится полностью посвятить себя служению Богу на основе закона Божьего и в соответствии со своими торжественными обязательствами, потому что правящий император не в состоянии охватить своим надзором всех и каждого... Никто да не дерзнет обижать церкви Божии, вдов, сирот или чужестранцев и отнимать у них их достояние силой или обманом, ибо сам государь император после Господа Бога и святых Его поставлен их защитником и покровителем».

Отдельно отметив, что капитулярий целиком в духе позиции Карла Великого настаивает на прямой связи между императором и Богом без какого-либо посредничества Папы римского, следует обратить главное внимание на более широкое и глубокое позиционирование императорской власти. Она была призвана упорядочить не только мирскую, земную жизнь подданных, но и их духовный мир, поскольку ее главной, первостепенно задачей было вести своих подданных ко спасению для жизни вечной в Царстве Христа. При этом император был, по сути, главой не только светского аппарата государственных чиновников, как сосредоточенных при дворе, так представителей региональной власти и рассылаемых по графствам с целью контроля за местными управленцами специальных королевских посланцев «*missi dominici*» («посланцы (посланные) [от] господина (государя)»). Монарх правил в равной мере также и через Церковь и ее служителей-священников, мало считаясь с номинальной духовной властью Папы в пределах своего государства. «Император, – писал замечательный медиевист, наследие которого стало общепризнанной классикой, Дмитрий Петрушевский (1863–1942 гг.), – считает себя призван-

ным направлять не только ход государственной жизни, но и внутренний мир каждого из своих подданных и требует поэтому от своих подданных не только исполнения того, чего требует от них земной, государственный закон, но и считает себя уполномоченным свыше требовать от них выполнения велений их внутреннего, религиозного сознания. Своей присягой его подданный обязуется перед государственной властью не только не совершать правонарушений, но и не грешить. Грех в такой же мере подлежит, в представлении императора, воздействию государственной власти, как и преступление. ...высшей целью своей политики как главы христианской империи Карл признавал вечное, небесное спасение и блаженство государя и подданных, за которых он отвечает перед Богом, вверившим их его попечению». Ему вторит и Анатолий Левандовский: «...памятники законодательства Карла Великого весьма сильно походят на проповеди и увещания, вдохновленные трудами отцов церкви. Его указы и капитулярии обычно приправлены обильными выдержками из Священного Писания, преступления смешиваются с грехами, обязанности подданных совпадают с обязанностями христиан, а государь как бы становится воспитателем, назидующим народ в истинной вере. Он следит за исправлением богослужбных книг и не менее зорко за тем, чтобы жители империи были добрыми христианами. ...многие законы Карла имеют ярко выраженный моральный характер, защищая определенные нормы представлений и поведения граждан. Законы воспрещают питать ненависть, угнетать ближнего или причинять ему зло, повелевают жить сообразно указаниям государя, беспрекословно выполнять обязанности верующего. Различные духовные и светские кары устанавливаются за клятвопреступление, лжесвидетельство, распутство, пьянство». В какой-то мере можно сказать, что действующий таким образом Карл Великий стоял у истоков не только католической, но и протестантской и даже светской Европы, предвосхищая на доступном ему уровне, в том числе и ценности Европейского союза, зафиксированные в статье второй «Договора о Европейском союзе» 1992 г.: «Ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которая характеризуется плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами».

Итак, Карл Великий привел западный мир от разобщенных племен и стран к Империи. Он мыслился общим главой всего христианского, по меньшей мере – западнохристианского – мира. После императорской

коронации были отчеканены монеты, изображавшие Карла Великого в образе римских императоров – его бюст был отчеканен в профиль, голова повернута вправо, голову украшал лавровый венок, с плеч спадал палудамент – тяжелый парадный пурпурный плащ римских полководцев. Легенда монеты гласила: «Божьей милостью властвующий великий император Карл, повелитель франков и лангобардов». Однако была ли Империя Карла Великого Европой? В представлении современников это было скорее Царство Божие в ожидании Апокалипсиса. Однако это Царство Божие было и Европой в том числе, ведь не случайно Нитхард писал, что «всю Европу» Карл «оставил после себя наполненную всяческими благами». Историки по сей день задаются вопросом, насколько можно считать созданную Карлом империю франков прообразом единой Европы, давая подчас противоположные ответы. Так, одна из книг Анатолия Левандовского названа (безусловно, чтобы привлечь внимание читателей) «Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья». Тогда как другой знаменитый историк, на сей раз представитель прославленной Школы «Анналов» француз Жак Ле Гофф (1924–2014 гг.) в открывающей серию «Становление Европы» книге «Родилась ли Европа в Средневековье?» (в русском переводе – «Рождение Европы») назвал раздел, посвященный эпохе Каролингов VIII–X вв., «Неудавшаяся Европа». В рассчитанной же на самых молодых читателей «Истории Европы, рассказанной детям», в разделе «Карл Великий – первый европеец?» этот классик французской историографии писал: «Франкская династия Каролингов с VIII по IX век владела большей частью христианского мира. В состав империи входили Галлия, Италия и Германия. Империя Каролингов развалилась, но объединенные в течение века страны стали как бы символом, сердцем Европы». Сейчас, когда Европейский Союз потерял Британию на Западе и в нем все сильнее слышны нарекания о неоправданности осуществленного в начале 2000-х гг. расширения на Восток, весомость средневекового каролингского фундамента под зданием единой Западной Европы представляется особенно значимой. Кто знает, не ограничится ли в итоге единство Европы, столкнувшееся с разрушительными вызовами современности, лишь сердцевинными землями давней империи Каролингов? Однако дадим вновь слово Жаку Ле Гоффу: «Карл Великий завещал Европе свой проект всеобщей цивилизации. Это был первый европейский «ренессанс», соединивший христианство с великой античной римской культурой». Несомненно, что Каролингская Европа навсегда останется в памяти потомков символом государственного и, в итоге, цивилизационного единения в культурном многообразии, скрепленном не только военной силой и государственными институтами, но и общими ценностями, идеалами, стремлениями.

На одной из сторон подвесной печати (буллы) Карла Великого, матрицы для оттиска которой были вырезаны и стали применяться после коронации его императорской короной в 800 году, были изображены врата Рима и вырезана надпись «*renovatio Romanorum imperii*» – «обновление Римской империи». Важно обратить внимание на термин «*renovatio*», обозначающий именно «обновление», «изменение», а значит – приобретение неких новых, чем-либо отличающихся, не характерных ранее для империи свойств. Это показательное словоупотребление, ведь Карл мог прибегнуть к словам «*resurgatio*» – «восстановление», то есть возрождение Римской империи либо «*regisio*» – «усвоение», то есть (вос)приятие имперского традиций Древнего Рима. Мог, но не прибег, ведь франкский монарх не возрождал Римскую империю, воспринимая и принимая ее наследие в прежнем виде, он именно обновлял, переиначивал ее идею, вливая молодое, новое христианское вино в старые ветхие имперские мехи. Эта обновленная империя должна была быть, в первую очередь, христианской, земным царство Христа, правившего через верного ему императора. Возможно, в том числе и поэтому империю Карла Великого ожидало скорое разложение и гибель. Ведь произошло это вполне в соответствии со знаменитыми словами Иисуса Христа, приведенными в «Евангелии от Марка» (22:21–22): «Никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые». Новыми мехами после разделения империи Карла стали прообразы будущих национальных государств – Франции, Германии и отчасти Италии, которые и станут триединым средокрестьем Европы.

Наследие Карла Великого, таким образом, действительно послужило питательной основой для рождения будущих европейских стран, которые буквально проросли сквозь ее стремительно дряхлевшее тело. Нельзя не согласиться с Александром Назаренко, утверждающим, что «Империя Карла была обречена на гибель, ибо политическое развитие Запада двигалось от варварских племенных королевств в сторону ранненациональных монархий, и в рамках этой эволюции для империи просто не было места». Однако, в то же время, нельзя также отказать в притягательности образу и значимости наследию единой Каролингской Европы, ставшей в будущем важным символом европейского политического и культурного единства. К образу государства Карла Великого и его величественной личности обращались в будущем такие несомненно великие исторические деятели, как Фридрих Барбаросса и Наполеон, сделавшие свой зна-

чимый вклад в общую европейскую историю. Символична судьба одного из великих начинаний Карла – канала, который должен был соединить Рейн и Дунай. Его строительство было начато по приказу франкского короля в 793 г., причем этот Каролингский канал должен был соединить реку Альтмюль, левый приток Дуная, и реку Редниц, образующую после слияния с Пегницем Регниц – левый приток Майна. Замысел Карла был реализован уже в объединенной Европе, когда 25 сентября 1992 г. был открыт достроенный канал Рейн – Майн – Дунай. Незадолго до этого, 7 февраля 1992 г. в нидерландском Маастрихте был подписан «Договор о Европейском союзе», вступивший в силу 1 ноября 1993 г. Согласитесь, что завершение начинания Карла Великого, стоявшего у истоков единения Европы, в Европе, уже ставшей единой, вполне может быть достаточным основанием для того, чтобы назвать франкского императора пра-прапрадедом Европейского союза.

Под этим углом зрения вполне закономерно с 1950 г. в Аахене ежегодно происходит вручение Международной премии за вклад в созидание европейского единства, названная именем Карла Великого. Ее лауреатами стали Жанн Монне за создание первого европейского наднационального института – «Европейского объединения угля и стали» (ЕССC) (1953 г.) и Конрад Аденауэр за содействие делу единения Европы (1954 г.), Уинстон Черчилль (1954 г.) и Робер Шуман (1958 г.), Джордж Маршалл (1959 г.) и Жозеф Беш (1960 г.), Франсуа Миттеран и Гельмут Коль за француско-немецкую дружбу и вклад в будущее Европы (оба в 1988 г.), чешский писатель и общественный деятель Вацлав Гавел как символ европейского взаимопонимания (1991 г.) и венгерский писатель Дьёрдь Конрад как сторонник примирения в Европе за большой вклад в развитие внутриевропейского общения (2001 г.), а также многие другие видные политики Европы и мира. В 2004 г. чрезвычайная премия имени Карла Великого была присуждена Папе римскому Иоанну Павлу II в знак признания его заслуг в деле единства Европы, сохранения ее ценностей и проповеди мира. Карл Великий остается могучим и достойным внимания и уважения символом европейского единения во всем его культурном и языковом многообразии. Равно как и Европа, подобно тому, как это было на рубеже VIII–IX вв., остается «Градом Божьим» в ожидании Апокалипсиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Ададуров В.* Історія Франції. Королівська держава та створення нації (від початків до кінця XVIII століття). Львів, 2002.
- Арзаканян М. Ц., Ревякин А. В., Уваров П. Ю.* История Франции. М., 2005.

- Балакин В. Д. Идея империи и имперская традиция в Раннем средневековье // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 6. С. 76–87.
- Басовская Н. Карл Великий и его империя // Знание-сила. 1997. № 7. С. 123–129.
- Беспалова Н. Ю. Династия Каролингов, определившая судьбу Европы // Наука и техника. 2007. № 8. С. 62–68.
- Вязигин А. С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб., 1912.
- Гарипзанов И. Х. Рецепция античного наследия в Каролингскую эпоху: Имперский код власти и проблема «Каролингского возрождения» // СВ. 2006. Т. 66. С. 3–22; Т. 67. С. 116–139.
- Домановский А. Н. Загадки истории. Византия. Харьков, 2016.
- Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / Состав. и общ. ред. А. И. Сидоров. СПб., 2019.
- Историки эпохи Каролингов / Отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999.
- История Франции / Под общей ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена, Э. Карпантье [и др.]; предисл. Ж. Ле Гоффа. СПб., 2008.
- История Франции в 3-х тт. Т. 1. М., 1972.
- Каролингская эпоха. Из истории Западной Европы в раннее Средневековье: Сборник документов. Казань, 2002.
- Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа. 400–1500 годы. М., 2001.
- Ле Гофф Ж. История Европы, рассказанная детям. М., 2010.
- Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2008.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.
- Лебек С. Происхождение франков. V–IX вв. М., 1993.
- Левандовский А. П. Карл Великий. М., 1999.
- Левандовский А. П. Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. М., 2013.
- Лиман С. И. Империя Карла Великого в курсах лекций и исследованиях медиевистов украинских земель Российской империи (XIX – начало XX вв.) // Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 13. Харьков, 2015. С. 320–329.
- Лэмб Г. Карл Великий. Основатель империи Каролингов. М., 2002. (беллетризованная биография)
- Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции с древнейших времён до окончания первой мировой войны. Л., 1957.
- Мельгунов С. Карл Великий. М., 1890.
- Назаренко А. В. Империя Карла Великого – идеологическая фикция или политический эксперимент? // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 11–24.
- Пакуль Н. Итальянская политика Карла Великого // Учені записки Харківського державного університету імені О. М. Горького. 1940. № 19. Ювілейне видання. СХХХV 1805–1940. С. 105–115.
- Пиренн А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. М., 2011.
- Сидоров А. И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII–X века. СПб., 2018.

- Сидоров А. И.* Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII–X вв.). СПб., 2015.
- Сидоров А. И.* Каролингская аристократия глазами современников // Французский ежегодник 2001. М., 2001. С. 40–62.
- Сидоров А. И.* Организация власти во Франкском королевстве в VIII–IX вв. // СВ. 2003. Вып. 64. С. 3–34.
- Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.
- Тейс Л.* Наследие Каролингов. М., 1993.
- Уоллес-Хеорилл Дж.-М.* Варварский Запад: Раннее Средневековье: 400–1000. СПб., 2002.
- Фортинский Ф.* Причины распада монархии Карла Великого. К., 1872.
- Фюстель де Куланж Нума Дени.* История общественного строя древней Франции / Фюстель де-Куланж; Пер. под ред. [и с предисл.] И[в]. М. Гревса. Т. 6. Перерождение королевской власти в каролингскую эпоху. СПб., 1916.
- Хизер П.* Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. М., 2015.
- Хэггерман Д.* Карл Великий. М., 2003.
- Чернявский С. Н.* Империя Каролингов: Рождение Запада. М., 2018.
- Шеймин П.* Франкское королевство и монархия // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1889. Т. 49. С. 51–490.
- Эйнхард.* Жизнь Карла Великого. М., 2005.
- Airlie S.* Power and Its Problems in Carolingian Europe. Farnham, 2012.
- Bullough D. A.* The Age of Charlemagne. London. 1965.
- Charlemagne: Empire and Society / Ed. J. Story. Manchester; New York, 2005.
- Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian World. New York, 2011.
- Fichtenau H.* The Carolingian empire. The age of Charlemagne. New York, 1964.
- Ganshof F. L.* The Carolingians and the Frankish Monarchy. London, 1971.
- Histoire de la France au Moyen Age: IIIe siècle – 1492.* Vol. 1. Paris, 1982.
- Isaia M.-C.* Histoire des Carolingiens. VIIIe–Xe siècle. Paris, 2014.
- James E.* The origins of France: from Clovis to the Capetians, 500–1000. New York, 1982.
- McKitterick R.* Charlemagne. The Formation of an European Identity. Cambridge, 2008.
- McKitterick R.* History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004.
- McKitterick R.* The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751–987. L., N.Y., 1983.
- Nelson J. L.* The Frankish World, 750–900. London, 1996.
- Nicolle D.* The Age of Charlemagne. London, 1987.
- The New Cambridge Medieval History. Vol. 2: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995.
- Ubl K.* Die Karolinger: Herrscher und Reich. München, 2014.
- Ullmann W.* The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. London, 1969.
- Verhulst A.* The Carolingian Economy. Cambridge, 2002.